

Николай Гоголь

**Сорочинская ярмарка
и другие рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г58

Гоголь Н.
Г58 Сорочинская ярмарка: и другие рассказы / Николай Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2012. – 176 с.

ISBN 978-5-4241-2286-6

Николай Васильевич Гоголь - одна из самых загадочных фигур в русской культуре. Вся его жизнь была непрерывным подвигом восхождения к высотам творчества, оказавшего исключительно сильное воздействие на все последующее развитие как русской, так и мировой литературы.

ISBN 978-5-4241-2286-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Васильевич Гоголь

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА. ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ

1

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом [сладострастно] нагнувшийся над землею, кажется, заснул, потонувши в неге [заснул в неге] и сжавши [обнявши] прекрасную в воздушных объятиях своих. На нем ни облака. В поле ни шуму, ни речи. [Вместо «На нем ~ речи»: Ни шуму. Ни речи.] Всё как будто умерло. Вверху только [Только вверху] в небесной глубине, дрожит жавронок, и серебряные песни по воздушным степям летят на землю [Вместо «песни ~ землею»: песни летят на влюбленную землю] или [да] изредка крик чайки или звонкий раскат перепела [гром перепела звонким раскатом] отдается в степи. Лениво и бездумно, будто без цели гуляющие, растут на поле деревья, и ослепительные удары солнца, кажется, зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на других темную как ночь тень, на которой только при сильном колебании листьев ветром прыщет золото [Вместо «Лениво ~ золото»: Лениво и бездумно, как рассеянно остановившиеся гуляющие без цели, стали деревья, листок не шелохнется и стремительные удары солнца ослепительных лучей, кажется, исторгающие из темнозеленой гущи их живописные массы листьев, накидывая на других темную как ночь тень, на которой только при ветре] Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми [Далее начато: под<солнечниками?>] огородами, осеняем<ыми> гордыми подсолнечными. Серые скирды сена и золотые снопы хлеба [Далее начато: в целых] станом располагаются [расположились] в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов [Далее было: ветви] широкие ветви яблонь, груш, небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах [в зеленых ~ рамах вписано.] ... как полно сладострастия и неги малороссийское лето.

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот, восемьсот... да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога на десять <верст> до местечка [от местечка] Сорочинец кипела народом, поспешавшим [Далее начато: на я<рмарку>] со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемую вереницею чумаки [чумацкие возы] с солью и рыбою. Горы горшков, закутанные в сено, высоко подымали с воза гигантское чело свое и, кажется, скупали темнотой [своею неизвестностью]; местами [изредка] только какая-нибудь расписанная миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного плетня и привлекала умиленные [завистливые] взгляды поклонников роскоши. Много прохожих и проезжих поглядывало с завистью на высокого [степенного] гончара, [Далее начато: который] владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел [следовал] за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих кокеток и щеголей ненавистным для них сеном.

Одинокó тащился [брел] на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою [льном] и разною поклажею; толстый [низенькой] небольшого росту мужик, уже с поседевшео [с поседевшими <усами?>] головою, с усами [с напудренными усами] напудренными тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице, и к уроду, и насильно пудрит с незапамятных времен весь род человеческий. За возом шла привязанная [Далее было: сзади] кобыла. [«За возом шла привязанная кобыла» — вписано.] Много встречных, и особенно [особенно] молодых парубок, брались за шапку, поровнявшись [встреч<ая>] с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляла это делать. Стоило только поднять глаза [взглянуть] немного вверх, чтобы увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с упоительно рдевшим личиком, с черными бровями, ровною дугою [ровными дугами] поднявшимися над огненными карыми глазками, с беспечно улыбающимися<ся> розовыми губками, с повязанными на голове голубыми и желтыми лентами, которые, вместе с длинными, обходившими два раза вокруг всей головы русыми [чер<ными>] косами и полевыми цветами, богатою короною покоились на ее [Далее было: головке] очаровательной головке. [Вместо «которые ~ головке»: а. которые ~ полевыми цветами, составляли прекрасную корону б. составлявшими, вместе с ~ цветами, прекрасную корону] Всё, казалось, занимало ее, всё было ей чудно, ново, и хорошенькие глазки беспрестанно бегали с одного [от одного] предмета на другой. Как не рассеяться! В первый раз на ярмарке! [Далее начато: Каких] Девушка в восемнадцать лет в первый раз на ярмарке! Но ни один из прохожих и проезжих не знал, [Далее было: чего] может быть, чего стоило ей упросить отца [батька] взять и ее с собою, который и душою [может, всею душою] рад бы был это сделать гораздо прежде, если бы не злая мачиха, выучившаяся держать его в руках своих так же ловко, как цыган возжи коренной своей лошади. Но за дочкою совершенно мы позабыли, [Вместо «Но ~ позабыли»: Но мы и позабыли] что и она сидела тут же на высоте воза в нарядной шерстяной кофте зеленого цвета, по которой будто [с красными будто] по горностаевому меху нашиты были хвостики красного цвета, в богатой плахте, пестревшей как шахматная доска, в ситцевом цветном очипке, нимало, однако ж не скрасившем плоского красного лица, по которому проскальзывало что-то [какое-то] такое неприятное, такое дикое, что каждый [всякий] тотчас спешил перенести встревоженный глаз свой на веселенькое личико дочки.

Глазам наших [нашего <путешественника?>] путешественников начал уже открываться Псел. Издали уже веяло прохладою. Сквозь темно- и светло-зеленые листья [Далее начато: дерево<ев>] небрежно раскиданных по лугу дерев [деревьев] засверкали серебром и огненные, одетые холодом искры, и река-красавица обнажила серебряную [открыла [свою] блестящую] грудь, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы [минуты] когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, [Вместо «ее ~ чело»: а. гордые, [божественные,] прекрасные ее черты с обнажен<?> б. полное гордости ~ ее чело] лилейные плечи, мраморную, осененную темною, упавшею с русой <головой> волною, шею, [Далее было: меняет] с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца <нет>. Чудесная река каждый год переменяет свои окрестности [украшения] луга и деревья и пролагает новый путь.

Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мочно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами взъехал в это время на мост, и река во всей широте и величии, как цельное стекло, разостлалась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы, всё опрокинулось, и стояло, и ходило верх ногами, не падая в голубую, прекрасную бездну. Красавица наша, сидя на возу, задумалась на роскошь открывшегося перед ней вида [Вместо «задумалась ~ вида»: задумалась, глядя на роскошь вида, открывшегося перед ней] и позабыла даже лузать свой подсолнечник, которым исправно занималась во всё время пути своего. Как вдруг слова: «ай, да гарна девчина!» поразили слух <ее>. Оглянувшись, увидела <она> стоявших на мосту нескольких [четырех] парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке [юпке, повязанный красным поясом] в серой решетиловских смушек шапке [в серой решетиловской смушке] стоял подпершись в боки и молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненно-приятности лица и огненных очей, жаждавших видеть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежат произнесенные слова. «Славная девушка!» продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее глаз. «Я бы отдал всё свое хозяйство [а. всю свою худобу б. всё свое доб<ро>] чтобы только поцеловать <ее>. А вот впереди [впереди ее] и дьявол сидит!» Хохот поднялся со всех сторон, но разряженной [почтенной] сожительнице нашего медленного мужика не слишком показалось такое приветствие: [Далее было: щеки] красные щеки ее вспыхнули и обратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождем на головы [«головы»] вписано.] разгульных парубков: «Ах, ты негодный сорванец, нечистая сила, нелегкая позабирала бы всю родню твою!»

«Ах, ты старая ведьма!»

«Ах, ты сатанинское [нечистое] отродье! Вишь, молокосос какой-нибудь, дрянь»... Тут воз начинал спускаться с мосту. [«Тут ~ с мосту» вписано.] Последние слова едва были слышны [было слышно] но разгульный парубок наш не хотел этим кончить [не хотел кончить так] и потому, схвативши комок грязи, швырнул вслед за нею. Удар был удачнее [так удачен] нежели мог он думать: весь новый ситцевый очипок [очипок [старухи] шег<олихи>] был забрызган грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новой силою, к несказанной досаде пожилой щеголихи [нашей ста<рухи>] Воз отъехал в это время уже довольно далеко, и месть ее обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, будучи привычен издавна к подобным явлениям, сохранял упорное [при<вычное>] молчание, хладнокровно принимая мятежные речи разгневанной супруги до тех пор, покаместь не въехали они в пригородье [в город] на загроможденный двор [на двор] к одному козаку [к куму тамошнему] куму и старому знакомому нашим путешественникам, которым всего нужнее дать отдых после такой дальней дороги.

2

Що, боже ты мій господы, чого нема на тій ярмарци! Колеса, скло, дьоготь, тютюн, ремень, цыбуля... так що хоть

*бы в кишени було рублив и с тридцять,
то на вси б стало закупить краму.¹*

Из малор. комедии.

Случалось ли вам слышать иногда [когда] где-то валяющийся отдаленный водопад, когда вам издали уже чудятся неясные звуки? [«Случалось ли ~ звуки?»] » вписано.]

Кто не видал и не был когда-нибудь в вихре шумной ярмарки, когда весь народ с своим товаром срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем корпусом [«и шевелится всем корпусом»] вписано.] на площади и по тесным улицам, шумит, гогочет, гремит. Шум, треск, брань, [Далее было: мычание] бляенье, мычанье, рев, — всё сливается в один нестройный говор, как будто бы валится где-то отдаленный водопад [как будто бы где-нибудь отдаленный водопад валится] и встревоженная [испуганная] окрестность полна гула. Напрасны будут старания что-нибудь расслушать, узнать, о чем идут речи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете. Одни только продавец и покупатель понимают друг друга. Громкое хлопанье по рукам и распиванье могорыча одни только дадут знать вам, <что> сделка или покупка совершены [об успехе посольства.] Приезжий наш мужик с чернобровою дочкою своею давно уже толкался в народе, узнавал и примерялся к ценам. Все его мысли вертелись около одной точки: около 10 мешков пшеницы, привезенных им на ярмарок, и старой кобылы, и потому весьма естественно, что он [Далее было: безвыходно [к великой досаде нашей красавицы, [«к великой ~ красавицы»] вписано.] терся почти возле одних только возов с мукой и пшеницею и еще с дегтем, которого хотелось забрать на барыши; между тем как ее так и дергала непонятная сила под ятки к крамаркам, где развешаны были самые яркие ленты, перстни, серьги, монисты [и монисты] Впрочем, она и тут много находила предметов себе для наблюдения: ее до чрезвычайности смешило, как цыган и мужик один били друг друга со всей силы по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя [Дать киселя значит ударить кого-нибудь сзади ног. (Прим. Н. В. Гоголя.)]; как поссорившиеся перекупки кидались раками, приправляя по-бранками... Тут почувствовала она, что кто<-то> дернул ее за рукав сорочки. Оглянулась, и парубок в белой свитке с огненно-яркими очами стоял перед нею. Жилки ее вздрогнули и сердце забилося так, как еще никогда ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею. «Не бойся, серденько, не бойся», говорил он ей вполголоса, взявши ее руку: «убей меня гром на этом месте, если держу на уме что худое против тебя». «Верно это лукавый», думала про себя красавица [девушка сама и чу<вствовала>]; «сама, кажется, знаешь, что не годится так... а чувствуешь, что силы не достает взять от него руку». Мужик оглянулся и хотел что-то сказать дочке, но в стороне послышалось ему слово: пшеница. Это магическое слово заставило его обратиться, оставивши всё, и он в ту же минуту приблизился [Вместо «Это ~ приблизился»: я он, оставивши всё, приблизился] к двум жарко разговаривавшим негоциантам, позабыв всё на свете, [Далее начато: Разговор пошел] устремив всё внимание на любимый предмет свой.

3

Чи бачыш, вин якый парныще?

*На свити трохи² єсть таких.
Сывуху так, як³ брагу хльце!
Котлярєвскій.*

«Так ты думаєшь, земляк, что плохо пойдет наша пшеница?» говорил один [Далее было: с ви<да>] человек с вида [Вместо «с вида»: видом] похожий весьма на заезжего мещанина, обитателя какого-нибудь местечка, в пестревых, запятнанных дегтем и засаленных шароварах, другому с широким носом и огромною [и широкою] на нем шишкою.

«Да думать нечего тут: [Далее было: что плохо] я готов кинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса перед Рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку».

«Кого ты, земляк, морочишь? привозу ведь [а. да вот привозу б. продолжал] кроме нашего, нет вовсе» [никакого <написано: ниго>] продолжал говорить [говорил] человек в пестревых [в сер<ых>] шароварах.

«То-то и есть [и диво] что если где замешается чертовщина, то будет столько прока, сколько от барана молока», значительно отвечал человек с шишкою на носу.

«Как чертовщина?» подхватил человек в пестревых шароварах.

«Слышил ты, что поговаривают в народе?» говорил человек с шишкой.

«Ну!»

«Ну, то-то ну! Комиссар, чтобы ему чихалось так после каждой пучки табаку, как после горячей воды, [Далее было: говорит] отвел для ярмарки проклятое [такое проклятое] место, на котором хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тот старый развалившийся сарай, что вон-вон стоит под горою?..» Тут дородный [наш дородный] отец нашей красавицы подсунулся еще ближе и весь превратился во внимание. «В том сарае то и дела, что водятся чертовские шашни, и ни одна ярмарка на этом месте не проходила без беды. Вчера волостной писарь проходил поздно вечером, только в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже. Тоже жди, что опять покажется кармазинная [красная] свитка».

«Что ж это за красная свитка?»

Тут у нашего слушателя поднялись дыбом седые волосы. Со страхом оборотился он назад и увидел, что дочка и парубок в свитке стояли обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки и позабыв про все свитки, находящиеся в свете. Это разогнало немного его страх и возвратило его к прежней беспечности [ему веселость]

«Эге, ге, ге! Да ты мастер, как вижу, обниматься. Чорт меня возьми, если я не на четвертый только день после свадьбы [„после свадьбы“ вписано.] выучился обнимать мою [свою] покойную Хвеську. Да и то, спасибо куму, [Далее было: который] бывши дружкойм, выучил уже [меня]».

Парубок заметил тотчас, что отец его любезной не слишком [не совсем] дальше и в мыслях решил попытаться склонить его в свою пользу. [Далее начато: Вер<но>] «Ты, верно, человек добрый, не знаешь [не узнаешь] меня, а я тебя тотчас узнал».

«Может, и узнал».

«Если хочешь, так и имя скажу, и прозвище, и всяку всячину: тебя зовут Солопий Черевик».

«Так, Солопий Черевик» [Вместо «Так, Солопий Черевик»: Может и скажешь]
«А взглядишь-ка хорошенько, а не узнаешь ли меня?»

«Нет, не познаю. Не в гнев будь сказано: на веку столько довелось навидеться рож всяких, что чорт сам припомнит всех». [Далее начато: Голо<пупенкив сын?>]

«Жаль, что ты не припомнишь Голопупенкова сына».

«А ты разве Охримов сын?»

«Да, не кто другой, конечно».

Тут пошли обнимания, и наш Голопупенкив сын, [Вместо «наш Голопупенкив сын»: пару<бок>] не желая терять напрасно времени, тотчас и осадил нового своего знакомца. «Ну, Солопий, вот, как видишь, я и дочка полюбили один одного так, что хоть бы и на веки жить вместе».

«Что, Параска?» [дочко] оборотился Черевик, смеясь, к нашей красавице: [«оборотился ~ красавице» вписано.] «не в самом ли деле, чтобы уже, как говорят, вместе и того... чтоб и паслись на одной траве! Что? по рукам! А ну-ка, новобранный зять, давай-ка могорычу!» И все трое очутились в известной ярмарочной ресторации [«в известной ярмарочной ресторации» вписано.] под яткою у жиловки, в которой [Далее было: с низу до верха] весь стол был усеян флясками, сулеями, бутылками всех возрастов. «Эх, хват [молодец] за это люблю!» говорил Черевик [Солопий] немного подгулявши, глядя, как его нареченный зять налил кружку величиной с полкварти и, нимало [неско<лько>] поморщившись, выпил до дна, обратив ее потом в дребезги. «Что [Что же] скажешь, Параска? [Какого, Параска, я [тебе] жениха даю] Какого я тебе жениха даю, а! Смотри, смотри, как он тянет молодецки пенную». И смеясь, и немного покачиваясь, побрел [а. и побрел б. отправился] с нашей красавицею [с сво<ей дочкою?>] к своему возу. А наш парубок отправился по рядам с красными товарами, в которых находились купцы даже из Гадяча и Миргорода, двух знаменитых уездных городов в Полтавской губернии, выглядывать лучшую деревянную люльку в медной шегольской оправе, [Далее было: и] цветистый по красному полю платок и шапку для гостинцев свадебных тестю и другим всем, кому следует.

4

*Хоть чоловікам не онее,
Да колы жинци, бачыш, тее,
Так треба угодити⁴
Котляревский.*

«Ну, жинко! а я нашел жениха дочке!» «Вот-на! как раз до того теперь, что женихов отыскивать! Вот уже дурень! [Далее начато: ты на <?>] Сказано, тебе, верно, и на роду написано таким остаться! Где ж таки ты видел, где ж таки слышал, чтобы добрый человек стал гоняться [бегать] теперь за женихами? Ты б подумал лучше, как пшеницу сбыть. Хорош уже там жених должен быть! Я думаю, оборваннейший из всех голодрабцов».

«Э, как бы не так! Посмотрела бы ты, что там за парубок. Одна свитка больше стоит, чем твоя зеленая кофта и красные сапоги. А как сивуху славно дует!.. Чорт меня возьми вместе с тобою, если я видел еще на веку своем, чтобы парубок духом вытянул полкварти, не поморщившись!»

«Ну, так, ему если пьяница да бродяга, так это с его руку. Бьюсь об заклад,

если это не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сих пор он не попадется мне: я бы ему дала себя знать».

«Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый: чем же он сорванец?» [Далее начато: «Слышишь»]

«Э, чем же он сорванец! Ах, ты, безмозглая башка! Слышишь! чем же он сорванец! Куда [Где] же ты запрятал дурацкие глаза свои, [свои дурацкие глаза] когда проезжали мы мельницы? Ему, хоть бы тут, перед его, запачканным в тютуне, [„запачканным в тютуне“ вписано.] носом нанесли жинке бесчестье, ему бы и нужды не было».

«Да всё же однако я не вижу в нем ничего худого. Парень хоть куда! Только разве что заклеил твою образину на время навозом».

«Эге, да ты, как я вижу, слова не дашь мне выговорить. А что это значит? Когда это бывало с тобою? Ты, верно, успел [изволил] хлеснуть уже, не продавши еще ничего?»

Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур [чересчур уже] и закрыл в одно мгновение голову свою обеими руками, предполагая, без сомнения, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими [острыми] когтями.

«Туда к чорту! вот тебе и свадьба!» думал он про себя, уклоняясь от сильно наступившей супруги. «Придется отказать доброму человеку ни за что, ни про что. [Далее начато: о боже] Господи боже мой! За что такая напасть на нас, грешных! И так много всякой дряни на земле, а ты еще и жинок наплодил!»

5

Рассеянно глядел парубок наш в белой свитке, сидя у своего воза, на глухо шумевший [Далее было: на горе] со всех сторон народ. Усталое солнце уходило от мира, и спокойно пылавший в полдень и утро день, и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо. Ослепительно блистали верхи [белые верхи] белых шатров и яток, осененные каким-то едва приметным, тонким, огненно-розовым светом. Стекла наваленных кучей оконниц горели; зеленые фляжки и чарки на столах у шинкарок превратились в огненные; горы дынь, арбузов и тыков казались вылитыми из золота и темной меди. Говор приметно утишался, и усталые языки перекупок, жидов и цыган ленивей и медленнее поворачивались. Где-где начинал сверкать огонек, и благовонный пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам. «О чем загорюнился, Грицко?» вскричал высокий загоревший цыган, ударив по плечу нашего парубка. «Что ж, отдавай волю за тридцать!»

«Тебе бы всё волю да волю. Вашему племени всё бы корысть только; поддеть да обмануть доброго человека».

«Тфу [Экая] дьявол! Да [что э<то>] ты не на шутку раскапрызничался. Уж не с досады ли, что сам навязал себе невесту».

«Нет, это не по-моему. [„это не по-моему“ вписано.] Я держу свое слово, что раз сделал, тому и навеки быть. А вот у хрыча Черевика нет совести, видно, и на пол шелега. Сказал да и назад. [„Сказал да и назад“ вписано.] Ну, да его и винить нечего. Он деревянный чурбан, и больше ничего [да и только] Тут всему вина старая ведьма, которую мы сегодня ругнули с хлопцами на все боки! Эх, если бы

я был царь [царем] или пан великой, я бы первый перевешал всех тех дурней, которые позволяют себя седлать бабам и ходят [и ездить] у них в оглоблях вместо кобыл».

«А отдашь [продашь] за тридцать волов, если мы заставим Черевика отдать нам Параску?»

«Не за тридцать, а за двадцать отдам, если не совершь только».

«Смотри ж, не забывай: за двадцать. Вот тебе и пара синиц в задаток».

«Ну, а если солжешь?»

«Солгу — задаток твой!»

«Ладно! Ну, давай же порукам!» — «Давай!»

6

*Ох мени лыхо: Роман оттепер, як раз
насадыть мени бебекив, да и вам, пане
Хомо, не без лыха буде.*

Из малоросс. комедии.⁵

«Суда, Афанасий Иванович! Вот тут частокол [а. тын б. забор] пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь с кумом и дочкою под возы, что<б> не украл кто-нибудь чего» [чего кто-нибудь] Так грозная сожительница Черевика [Далее начато: крича<ла>] ласково ободряла трусливо лепившего<ся> около забора поповича, которой поднялся наконец на частокол [на забор] и как будто длинное страшное привидение долго стоял в недоумении, измерявая оком, куда бы лучше спрыгнуть, и наконец с шумом обрушился в бурьян.

«Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломили <ли> еще, боже оборони, шеи», лепетала заботливая Хивря.

«Те! ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна! [Осиповна]» боязненно и шопотно произнес попович, подымаясь на ноги: «выключая только уязвления со стороны крапивы, сего песьеподобного зелия, по выражению покойного нашего протопопа».

«Пойдемте ж в хату. Теперь никого нет. А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам болячка или сонешница пристала: нет, да нет. Как же вы теперь поживаете? Я слышала, что пан-отцу перепало теперь не мало всякой всячины».

«Суцая безделица, Хавронья Никифоровна! Батюшка всего получил за весь пост, за все<?> труды свои <7 нрзб.>, мешков шесть ярового, проса мешка два, кнышей с сотню. А кур всего, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук; яйцы немалою частию протухлые. Но воистину сладостные приношения, примерно сказать, нашему брату предстоит только от вас получить, Хавронья Трофимовна!» [Вместо «Но воистину ~ Трофимовна!»: Приношения, примерно сказать, со стороны вашей, Хавронья Трофимовна] продолжал попович, умильно поглядывая на полные ее груди и подсовываясь к ней поближе.

«Вот вам и приношения, Афанасий Иванович!» приговорила она, ставя на стол две миски и жеманно застегивая свою как будто бы нечаянно расстегнувшуюся [невольно расстегнутую] кофту: «варёнички, галушечки пшенічненьки, пампúшечки, товченички — кушайте на здоровье!»

«Всякое даяние благо и всяк дар совершенен! Однако ж, Хавронья Никифо-